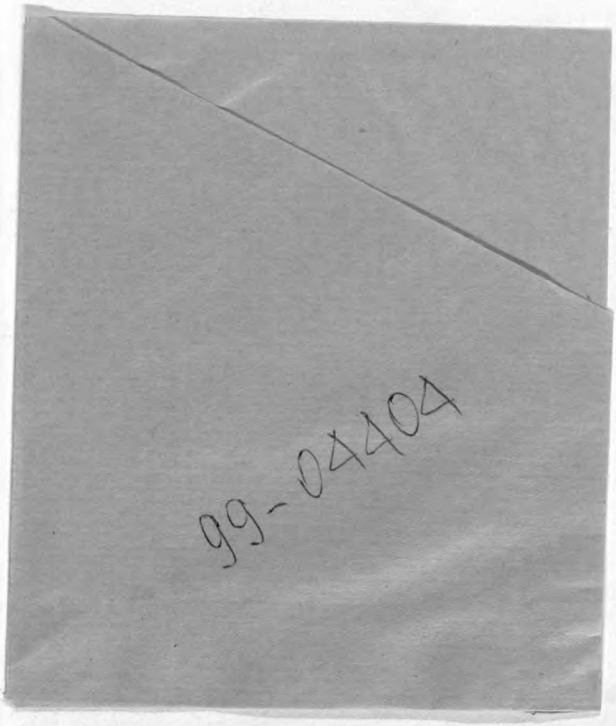
S 82
P 894

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

РУССКИЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

99-04404

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Том 13

THE RUSSIAN CALENDAR AND RITUAL FOLKLORE OF SIBERIA AND THE FAR EAST

SONGS. CHARMS AND SPELLS

NOVOSIBIRSK
"NAUKA"
SIBERIAN ENTERPRISE RAS
1997

РУССКИЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ПЕСНИ. ЗАГОВОРЫ

НГОНБ Новосибирск
LIBER
18352

НОВОСИБИРСК
"НАУКА"
СИБИРСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ РАН
1997

S 82
P894

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ УЧАСТВУЮТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА
№ 990404

Р-38

Ц 49-50

НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им М.В. ЛОМОНОСОВА

ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им М.К. АММОСОВА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ РАН

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им М.И. ГЛИНКИ

ВСЕРОССИЙСКОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ФИРМА "МЕЛОДИЯ"»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Н.А. Алексеев, Э.Е. Алексеев, В.М. Гацак (зам. главного редактора), *А.П. Деревянко* (главный редактор), *Н.В. Емельянов, А.С. Каргин, Х.Г. Короглы, Е.Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *Д.С. Лихачев, Б.Н. Путилов, В.М. Санги, Ю.И. Смирнов, А.Б. Соктоев* (зам. главного редактора), *М.И. Тулохонов, Ю.И. Шейкин*

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Издание подготовили
Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова

Научный редактор
В.С. Кузнецова

УДК 398
ББК 82.3Р-6
Р89

Рецензенты
кандидат филологических наук *И.А. Каргаполов*,
кандидат исторических наук *Е.Ф. Фурсова*

Утверждено к печати
Институтом филологии СО РАН

Ответственный редактор тома
доктор филологических наук
Т.Г. Леонова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту 96-04-16126
Комитета по культуре Администрации Омской области

Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего
Р89 Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. — 605 с. — (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 13).
ISBN 5—02—030895—1.

Том представляет собой самое полное издание русских календарно-обрядовых песен Сибирского региона. Он составлен по материалам фольклорных экспедиционных и архивных разысканий, часть текстов заимствована из старых изданий, которые практически недоступны массовому читателю. Книга содержит тексты песен по всем циклам народного календаря: новогодние, масленичные, веснянки, троицкие, петровские, жнивные. Особую ценность представляют заговоры (373 текста), которые в таком объеме печатаются впервые после 1917 года. Вступительные и музыковедческие статьи дают научное осмысление представленного материала, грампластинка позволяет услышать живое звучание отдельных его образцов.

Книга рассчитана на фольклористов, этнографов и всех любителей фольклора.

ТП—95—I—№ 193

ББК 82.3Р-6

© Составление, вступительные статьи, примечания, указатели, словарь. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова, 1997
© Институт филологии СО РАН, 1997
© Российская Академия наук, 1997
© "Наука". Сибирское предприятие РАН, 1997

ISBN 5—02—030895—1

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т.е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Отправным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведений. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий, произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т.е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия носит двуязычный характер.

Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли. Обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей. При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Подача национального текста и русского перевода координируется посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии при-

званы точно документировать публикацию, снабдить тексты и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом (а также в музыковедческой статье), либо в особом приложении. Все специальные условные обозначения оговариваются в конце музыковедческой статьи. В новых записях фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию особо специфические элементы интонирования (тембр и т.п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений. Но бывают случаи, когда их фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в свое время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому варианту.

Грампластинки иллюстрируют самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом. На единой основе — гарнитуре Лазурского — созданы комплексы универсальных шрифтоносителей, отвечающие потребностям многоязычной серии.

Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе двуязычной академической серии «Эпос народов СССР», выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (названия могут уточняться в процессе подготовки издания):

Алтайский фольклор (в 4 т.)

Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Бурятский фольклор (в 7 т.)
"Аламжи Мэргэн". Героический эпос
"Осодор Мэргэн". Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Песни и обрядовая поэзия

Нивхский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и народные песни
Мифы и предания

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Тувинский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Хакасский фольклор (в 4 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни и обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Песни и обрядовая поэзия

Эвенкский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос и песни
Сказки, легенды и предания

Якутский фольклор (в 6 т.)
"Кыыс Дэбилийэ". Героический эпос
"Могучий Эр Соготох". Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Белорусский
Долганский
Еврейский
Ительменский
Керекский
Кетский
Корякский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Селькупский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Хантыйский
Чукотский
Шорский
Энецкий
Эскимосов азиатских
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Первый цикл

Эвенкийские героические сказания. 1990 г.
Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». 1991 г.
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. 1991 г.
Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». 1993 г.
Бурятские волшебные сказки. 1993 г.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. 1993 г.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые. 1993 г.
Тувинские народные сказки. 1994 г.
Предания, легенды и мифы саха (якутов). 1995 г.
Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». 1996 г.

Второй цикл

Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу. 1996 г.

Алтайские героические сказания. 1997 г.
Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. 1997 г.
Тувинские героические сказания. 1997 г.
Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». 1997 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ.
Шорские героические сказания.
Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока.
Фольклор долган.

Часть первая

ПЕСНИ

РУССКИЕ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

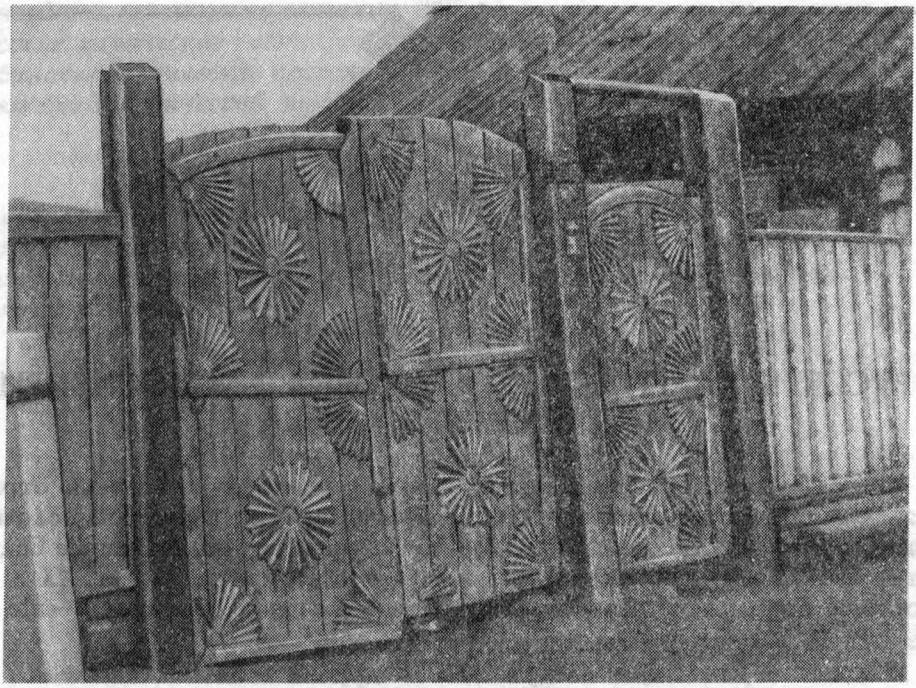
В Сибирь календарная поэзия пришла вместе с казачьими отрядами, с пионерами крестьянской колонизации. Уже во второй половины XVIII в. русские крестьяне в Сибири составляли подавляющее большинство населения и оставались им вплоть до конца 50-х гг. XX в. В городах народно-бытовая культура и праздничная обрядность еще в начале XX в. мало отличалась от крестьянской[1].

Волны переселенцев, следуя одна за другой, в XIX — начале XX в. приносили песни Западной, Южной, Центральной России, Белоруссии, Украины. В одних случаях шло обогащение, в других — вытеснение старожильческой традиции. Чаще всего происходило смешение нескольких областных традиций, поэтому в одном селе можно записать рязанский баусень, смоленскую "козу серую" и могилевские жнивные песни. Календарный фольклор Сибири в настоящее время представляет собой многоцветную мозаику, совокупность тысяч "очагов" с неповторимыми локальными особенностями.

Старый быт русского крестьянства Сибири и Дальнего Востока вплоть до социальных потрясений в России XX столетия был разнообразен, красочен и насыщен аграрно-календарными обрядами и праздниками, которые поддерживали жизненные устои человеческого бытия. Существенную часть традиционной культуры составлял народный календарь. Календарные праздники отмечали смену времен года и концентрировались вокруг зимнего и летнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий. Тесно связанные с трудовыми сельскохозяйственными циклами и синкретически взаимопереплетенные с бытовым православием они органично вливались в фонд национальной культуры.

---

[1] *Куприянов А.И.* Праздничные общественные обряды и развлечения городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. — Новосибирск, 1987. — С. 23—33.

Ворота с солярными знаками — символами солнца (с. Куйтун Тарбагатайского района. Бурятия). Начало 1970-х гг. Фото Ф.Ф. Болонева.

Календарь создавался народом в течение тысячелетий, и в нем отражены не только знания о природных условиях, о погоде, сельскохозяйственный опыт, будни, праздники, памятные даты, обряды и обрядовая поэзия, но и осмысление человеческой жизни. Народный календарь был энциклопедией крестьянского быта, жизненного уклада русского народа, инструментом его миропорядка. Это хорошо понимали знатоки и толкователи народного календаря. Большую роль в народных праздниках, обычаях и обрядах играл календарно-обрядовый фольклор (песни, музыка, игры, хороводы, танцы, приметы, поверья). Приуроченные к различным датам земледельческого года такие обряды и песни в ученом мире получили название календарных, а праздники, обрядовые церемонии, связанные с обеспечением или уборкой урожая, ученые стали называть аграрными. Основная цель подобных обрядов сводилась к получению хорошего урожая, приплода скота, к размножению всего живого, прежде всего — самого человека, к обеспечению достатка и благополучия в семье, в хозяйстве, в общине. Обрядовый фольклор имел аграрно-магическое, продуцирующее значение и был связан с трудовой крестьянской практикой в течение всего года.

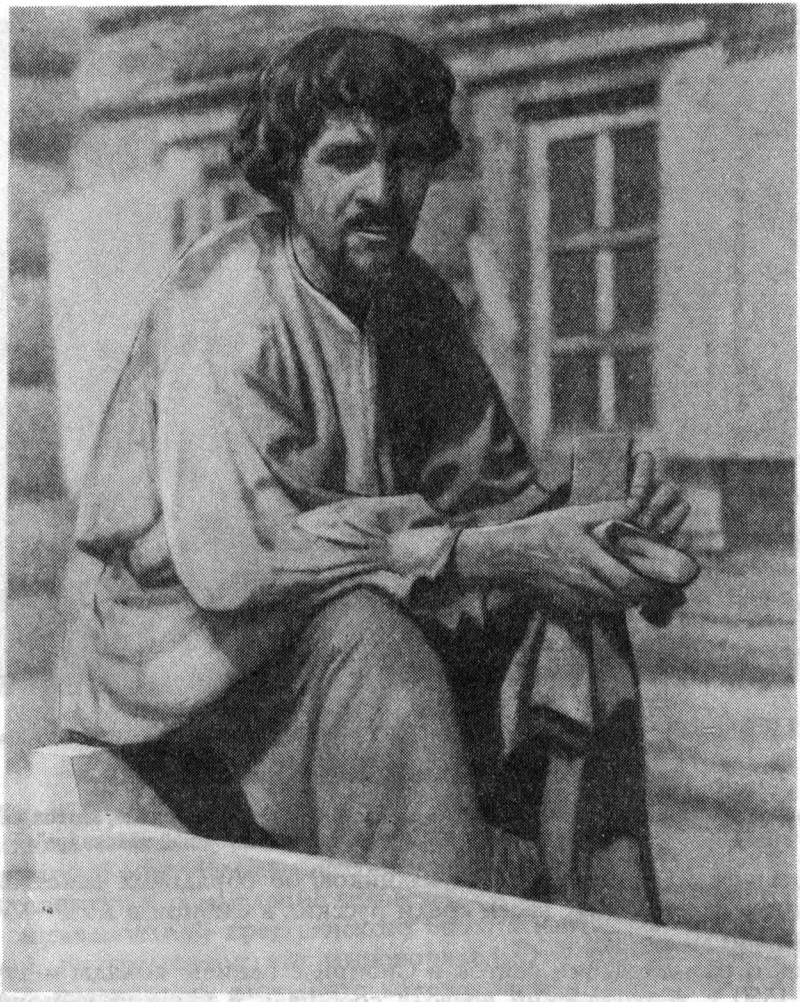
Никифор Ильич Казанцев, крестьянин с. Казачинского Енисейского уезда, знаток народного календаря. Из книги А.А. Макаренко "Сибирский народный календарь".

Сообщений о проведении праздников, об обрядовых действах и о бытовании календарных песен среди русских в Сибири в XVII—XVIII вв. обнаружено мало.

Так, о праздновании святок в Сибири с пением коляды и таусеня еще в 1650 г. верхотурский воевода сообщал: "В Сибири умножились глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... и медведя водят и с собачками пляшут. О Рождестве Христове и до Богоявленьева дня сходятся мужского и женского полу люди в бесовское сонмище... играют во всякие бесовские игры, и в навечерние Рождества Христова, и Васильева дни, и Богоявленья Господня кличут коляду, и таусень, и плугу, веруют в сон, и во встречу, и в полаз, и птичей грай, и загадки назагадывают, и сказки сказывают... и накладывают на себя личины и платье скоморошеское, меж себя, нарядя, бесовскую кобылку водят"[2].

---

[2]Цит. по: *Потебня А.А.* Объяснения малорусских и сродных народных песен. — Варшава, 1887. — Т. 2: Колядки и щедровки. — С. 36—37.

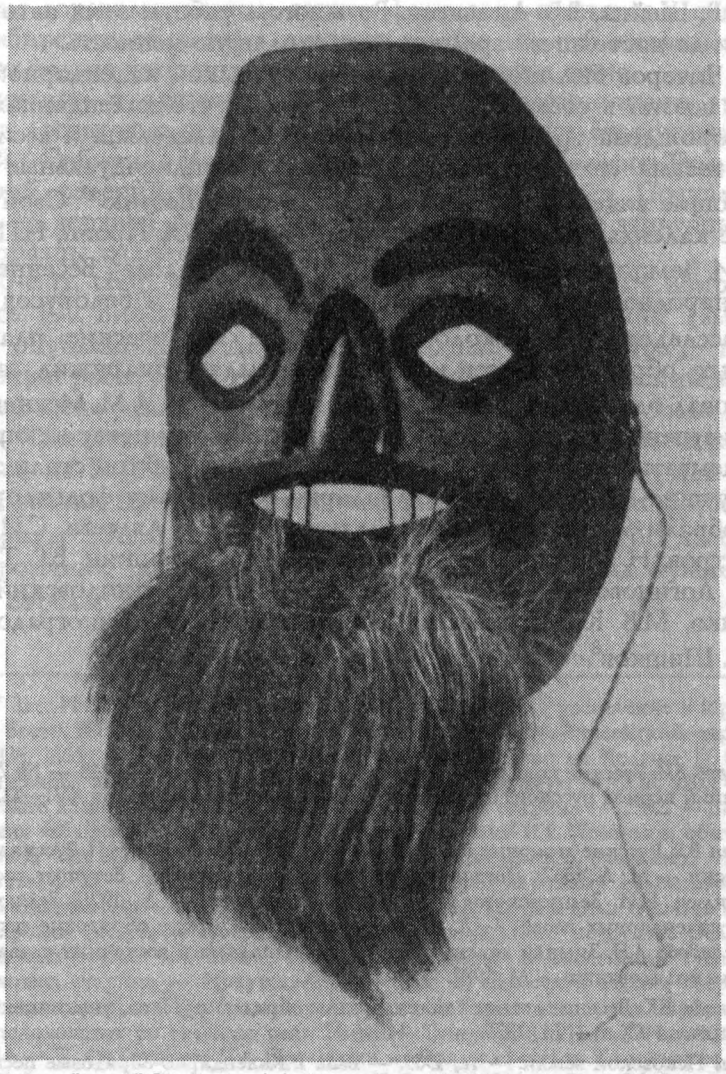
Ефим Максимович Кокорин (слепой Чима), толкователь праздников.
Из книги А.А. Макаренко "Сибирский народный календарь".

Историк С.В. Бахрушин на основе изучения архивов сибирского приказа писал: «Имеются намеки, что у них (у русских Сибири. — Ф.Б.) "кликали каляду", рядились в хари, сделанные из осиновой коры»[3].

Краткие свидетельства об отдельных празднествах донесли до нас из XVIII в. сообщения И.Г. Гмелина и С.П. Крашенинникова, которые

---

[3] *Бахрушин С.В.* Научные труды. — М., 1959. — Т. 4. — С. 96.

Святочная "рожа". Из книги А.А. Макаренко "Сибирский народный календарь".

будут приведены ниже. Некоторые календарные обычаи и обряды записаны позже у русско-устьинцев и у других русских старожильческих групп.

Интерес к народному календарю в России появился в XIX в. Об этом свидетельствуют работы И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, А.В. Терещенко, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, П.В. Киреев-

ского, П.В. Шейна, Е.В. Аничкова. Во многом работы этих авторов сохранили и до настоящего времени непреходящую ценность.

В.И. Чичеров был пионером изучения русской календарной обрядности и поэзии в советское время. Он писал, что календарная обрядность "порождена трудом и бытом народа-земледельца и в силу ряда причин весьма сохранила свои архаические индивидуальные формы, позволяющие видеть в ней аграрно-магическую поэзию"[4]. Свой вклад в изучение календарных обрядовых песен внесли В.Я. Пропп, Н.П. Колпакова, И.И. Земцовский, Ю.Г. Круглов, Л.Н. Виноградова[5]. Весенне-летний период народного календаря русских, украинцев и белорусов обстоятельно исследован В.К. Соколовой[6]. Глубокие архаические пласты календарных обрядовых песен в псковских землях обнаружил, записал и опубликовал один из лучших знатоков этого жанра А.М. Мехнецов[7]. Его вклад в изучение русского фольклора еще по достоинству не оценен.

Записывать и собирать календарные песни в Сибири стали только в XIX в. Лучшие материалы по календарно-обрядовому фольклору сибиряков собрали энтузиасты краеведы и ученые Е.А. Авдеева, С.И. Гуляев, Н.А. Костров, Н. Кашин, Н.С. Щукин, М.Ф. Кривошапкин, В.Г. Тан-Богораз, К.Д. Логиновский, И.Я. Неклепаев, А.М. Станиловский, А.А. Макаренко, М.В. Красноженова, П.А. Городцов, Г.С. Виноградов, писатель Вяч. Шишков[8].

---

[4]*Чичеров В.И.* Русские колядки и их типы // Сов. этнография. — 1948. — № 2. — С. 107; *Он же.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. — М., 1957.

[5]*Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. — Л., 1963; *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. — М.; Л., 1962; *Поэзия* крестьянских праздников / Вступ. ст. сост., подгот. текста, примеч. И.И. Земцовского; Общ. ред. В.Г. Базанова. — Л., 1970; *Земцовский И.И.* Мелодика календарных песен. — Л., 1975; *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. — М., 1982; *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. — М., 1982.

[6]*Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. — М., 1979.

[7]*Песни* Псковской земли. — Л., 1989. — Вып. 1: Календарно-обрядовые песни / Сост. А. Мехнецов.

[8]*Авдеева Е.А.* Записки и замечания о Сибири. Соч...ы..ой с приложением старинных русских песен. — М., 1837; *Она же.* Очерки Масляницы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отечественные записки. — 1849. — Т. 62, вып. 2; *Гуляев С.И.* О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. — 1839. — Т. 3; *Он же.* Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. — 1848. — Т. 90, отд. 3; *Он же.* Былины и исторические песни из Южной Сибири / Зап. С.И. Гуляева; Ред., вступ. ст. и коммент. М.К. Азадовского. — Новосибирск, 1939; *Костров Н.А.* Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Зап. ВСОРГО. — 1858. — Кн. 6; *Кашин Н.* Празднества и забавы приаргунцев // Вестн. РГО. — 1858. — Ч. 24; *Щукин Н.С.* Народные увеселения в

Многие дореволюционные записи фольклора хранятся в центральных и сибирских областных архивах и еще не публиковались. Эти материалы только частично привлекаются в нашем томе.

Публикации и архивные материалы дореволюционного времени отражают достаточно живую обрядовую традицию старожильческих поселений Сибири. Можно выделить места (Тобольско-Тюменский край, Алтай, селения по течению рек Ангары, Енисея, Подкаменной Тунгуски, на верхней Лене, Прибайкалье, Колыма), где записаны прекрасные образцы календарно-обрядового фольклора.

В 1920-е гг. сбор и публикация календарных песен Сибири продолжились. Г.С. Виноградов в "Сибирской живой старине" (вып. 3) в 1924 г. опубликовал "Детский народный календарь", первую значительную работу на эту тему в Сибири. М.К. Азадовский записал на верхней Лене четыре колядки. Они опубликованы в виде приложения к "Советскому винограду", записанному Вс. Малаховским в с. Посольск на Байкале и представленному собирателем как "интересный образчик приспособления старых традиционных форм к новым условиям"[9]. А.М. Попова в 1924 г. записала у семейских святочные и "троичные" песни, а в 1925 г. наблюдала обряд кумления и пускания стрелы[10].

Иркутске // Зап. РГО. — 1869. — Т. 2; *Он же.* Вертеп. Святочное увеселение в Иркутской губернии // Вестн. РГО. — 1860. — Ч. 29, № 7; *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. — СПб, 1865. — Т. 1; *Богораз В.Г.* Песни русских поречан на Колыме // Сборник отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук. — СПб, 1901; *Логиновский К.Д.* О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. — 1902. — Вып. 2; *Он же.* Увеселения забайкальских казаков // Там же; *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Зап. ЗСОРГО. — 1903. — Кн. 30; *Станиловский А.М.* Записки // Тр. ВСОРГО. — Иркутск, 1912. — № 7; *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. — СПб, 1913; *Красноженова М.В.* Из народных обычаев крестьян деревни Покровки (Томской губернии) // Изв. Красноярского подотдела ВСОРГО. — 1914. — Т. 2, вып. 6; *Она же.* Взятие "Снежного городка" в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. — Иркутск, 1924. — Вып. 2; *Шишков В.* Песни, собранные в селениях Подкаменной и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски в 1911 г. // Изв. ЗСОРГО. — Иркутск, 1914. — Т. 43; *Городцов П.А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 26; *Виноградов Г.С.* Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. — Иркутск, 1918.

[9]*Малаховский Вс.* Советское виноградье с приложением заметки Марка Азадовского "Четыре ленских колядки" // Сибирская живая старина. — Иркутск, 1925. — Вып. 3. — С. 41—52. (Отд. отт.)

[10]*Попова А.М.* Поездка к семейским Забайкалья: Этнографический очерк // Бурятиеведение. — Верхнеудинск, 1926. — № 2. — С. 16—19; *Она же.* Краткий отчет этнографа А.М. Поповой о работе среди семейских Забайкалья в 1925 г. // Там же. — С. 22—23. Местонахождение ее записей остается неизвестным.

Новосибирская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

В 1930-е гг. в сборнике, составленном А.В. Гуревичем и Л.Е. Элиасовым, было опубликовано "Виноградье"[11].

В последние три десятилетия экспедиции Л.Е. Элиасова, Т.Г. Леоновой, М.Н. Мельникова, Ф.Ф. Болонева, Р.П. Потаниной, Р.П. Матвеевой, Ю.И. Смирнова, Л.М. Свиридовой, Л.И. Журовой, В.М. Щурова, А.М. Мехнецова, Н.В. Леоновой, В.В. Асанова, А.Я. Аркина, О.И. Выхристюк и многих других продолжили сбор материала и выявили основные очаги бытования календарно-обрядового фольклора в районах Западной Сибири, Алтая и Дальнего Востока. Мы должны дать высокую оценку деятельности фольклорных экспедиций разных научных центров и вузов Сибири в деле накопления, сохранения и публикации календарно-обрядовой поэзии. Эти экспедиции, руководимые профессиональными фольклористами, работали в сложных условиях, по крупицам собирая бесценные материалы, отражающие обрядовый фольклор, который бытовал и бытует среди смешанного славянского населения этих регионов. Первыми публикациями, в которых было представлено большое количество (более 100) текстов календарно-обрядовых песен, записанных в Западной Сибири, стали сборники "Народные песни Прииртышья" (сост. Т.Г. Леонова, Новосибирск, 1969 г.) и "Фольклор Западной Сибири" (сост. Т.Г. Леонова, Омск, 1974 г.), включающие не только русские, но и белорусские тексты. Записи календарно-обрядовых песен опубликованы также в статьях и обзорах участников экспедиций[12]. Материалы, собранные преимущественно в Западной Сибири и на Алтае, составили основу антологии "Календарно-обрядовая поэзия сибиряков" (сост., вступ. ст. и примеч. Ф.Ф. Болонева и М.Н. Мельникова, Новосибирск, 1981 г.). В антологии сделана первая попытка издания текстов (к сожалению без нотных приложений) календарно-обрядовых песен русских, украинцев и белорусов Сибири и Дальнего Востока. Такая публикация

---

[11] *Старый* фольклор Прибайкалья. — Улан-Удэ, 1939. — Т. 1, № 168. — С. 297.

[12] *Леонова Т.Г.* Взаимодействие фольклорных традиций в сибирских селах со смешанным населением // Фольклор и литература. — Омск, 1974. — Вып. 1. — С. 3—23; *Она же.* Фольклорный репертуар сибирских сел с разным населением: К итогам фольклорной экспедиции 1973 г. в Знаменский район Омской области // Там же. — 1975. — Вып. 2. — С. 23—44; *Леонова Т.Г., Белкина Л.М.* Обзор материалов фольклорной экспедиции 1975 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1976. — Вып. 3. — С. 31—46; *Белкина Л.М., Шанович Т.М.* Итоги фольклорной практики 1978 г. в Тюкалинский район Омской обл.: Обзор и публикация материалов // Там же. — 1981. — С. 29—42; *Новоселова Л.В.* Итоги фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской области: Обзор и публикация материалов // Там же. — 1975. — Вып. 2. — С. 45—63; *Она же.* Итоги фольклорной практики в 1979 г.: Обзор и публикация материалов // Там же. — 1981. — С. 143—153.

отражала смешанный этнический характер сибирской традиции и была высоко оценена специалистами[13].

Тексты русских, украинских и белорусских календарных песен, записанных на Дальнем Востоке, представлены в публикациях Л.М. Свиридовой[14].

Наряду с собственно сибирскими публикациями следует назвать общерусские антологии, в которых есть перепечатки из разных источников (дореволюционных и современных) календарно-обрядовых песен Сибири. Это антологии, подготовленные И.И. Земцовским, К. Чистовым и Б. Чистовой, В.И. Жекулиной и А.Н. Розовым[15].

Изучению народного календаря сибиряков и связанной с ним обрядности в последние десятилетия посвятили свои работы этнографы, историки, филологи. Так, например, сибирские материалы были использованы при исследовании восточнославянской календарной обрядности В.К. Соколовой в указанной выше работе. Описанию и изучению Святок, Масленицы и Пасхи русского старожильческого населения Западной Сибири посвящены работы Л.В. Новоселовой[16].

Основной задачей исследований Ф.Ф. Болонева было воссоздать народный календарь старообрядцев Забайкалья, получивших название "семейские"[17]. Рассмотрев стабильную и подвижную части календаря, ав-

---

[13]См. рец.: *Соколова В.К.* Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф.Ф. Болонев и М.Н. Мельников // Сов. этнография. — 1984. — № 1. — С. 170—172; Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текстов К. Чистова и Б. Чистовой; Вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. К. Чистова. — Л., 1984. — С. 23—24.

[14]*Свиридова Л.М.* Русские, украинские и белорусские песни на Дальнем Востоке // Русский фольклор Сибири. —Улан-Удэ, 1971. — Вып. 1. — С. 31—63; *Она же.* Русская народная лирическая песня на Дальнем Востоке // Там же. — 1974. — Вып. 2. — С. 41— 62; *Фольклор* Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой / Сост., коммент. и вступ. ст. Л.М. Свиридовой. — Владивосток, 1986; *У ключика* у гремучего / Сост., вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. Л.М. Свиридовой. — Владивосток, 1989.

[15]*Поэзия* крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. — Л., 1970; *Русская* народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текстов К. Чистова и Б. Чистовой; Вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. К. Чистова. — Л., 1984; *Обрядовая* поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. — М., 1989.

[16]*Новоселова Л.В.* Народный календарь и его поэзия в Западной Сибири: Новогодняя и масленичная обрядность // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1974. — Вып. 1. — С. 24—42; *Она же.* Весенний период народного календаря в Западной Сибири: Пасхальный цикл // Сибирский фольклор. — Новосибирск, 1977. — Вып. 4. *Она же.* К вопросу о структуре паремийного фонда народного календаря (по сибирским материалам) // Фольклор и литература Сибири. — Омск, 1980. — С. 86—95.

[17]*Болонев Ф.Ф.* Календарные обычаи и обряды семейских. — Улан-Удэ, 1975; *Он же.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1978; *Он же.* Приемы продуцирующей магии в свадебных и календарных обрядах русского населения Восточной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) — Новосибирск, 1983. — С. 31—44; *Он же.* Месяцеслов семейских Забайкалья: Праздники в числах. — Новосибирск, 1990; и др.

Беседа собирателя со староверкой Марией Егоровной Хромых 84 лет (с. Большой Куналей. Бурятия). 1988 г. Фото В.Т. Новикова.

тор приходит к выводу, что семейские в результате гонений и нарушения ритма их жизни почти утратили календарно-обрядовые песни, сохранив приметы, поверья, всевозможные обряды и поэтически осмыслив земледельческие праздники. В меткой афористической форме

народ связал с именами святых наблюдения за погодой и определил различные сроки сельскохозяйственных работ. Исследование аграрных культов и связанного с ними годичного цикла магических обрядов позволили утверждать, что крестьянская духовная культура сибиряков определялась православием, но народные верования крестьян Сибири носили сложный характер. Культуру различных этнографических и субэтнических групп русских определяли как переселенческие потоки, так и их этноконфессиональные особенности, в частности, старообрядчество с его спецификой бытования отдельных согласий и толков.

В своей книге М.М. Громыко в разделе, посвященном исследованию народного календаря, написанном на основе опубликованных источников, стремилась показать духовную атмосферу, складывающуюся вокруг трудовых процессов и глубоко исследовала эту область[18]. Она рассмотрела многие календарные обряды и церемонии русского старожильческого населения Сибири XVIII — первой половины XIX в. Особенно обстоятельно ею исследованы обряды Масленицы, Троицы и других праздников. Социальные функции календарных обычаев и обрядов сибирских крестьян позднего феодального периода рассмотрела в своих трудах Н.А. Миненко[19]. Эти обычаи и обряды обеспечивали преемственность духовной культуры сибиряков, давали сельским труженикам физическую, психологическую и социальную разрядку, служили целям эстетического воспитания. Исследуя народный календарь, М.М. Громыко и Н.А. Миненко непосредственно календарных песен не рассматривали. В последние десятилетия календарно-обрядовые песни Сибири стали объектом внимания музыковедов (перечень публикаций и их оценку см. на с. 34—35 настоящего издания); возобновляется научный интерес к детскому народному календарю Сибири[20].

Составители данного тома ставили перед собой следующие задачи: представить корпус текстов календарных песен русского населения Сибири и Дальнего Востока в наиболее полном виде по всем периодам годового цикла и по возможности с нотным приложением; показать единство календарного песенного фольклора сибиряков с общерусским; выявить истоки и исторические пласты календарных песен в зависимости от состава населения, особенности трансформации календарно-обрядовых песен и их локальное бытование; раскрыть этнокультурные и поэтические особенности сибирского календарного фольклора.

---

[18]*Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск, 1975.

[19]*Миненко Н.А.* Живая старина: Будни и праздники в сибирской деревне в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск, 1988; *Она же.* Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. — М., 1991.

[20]*Кучегура Л.А.* О некоторых проблемах изучения детского народного календаря Сибири // Материалы Второго семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. — Омск, 1995. — С. 40—47.

Праздничное гуляние в с. Большой Куналей (Бурятия). *Дайте, дайте ходику, веселому народику.* 1988 г. Фото В.Т. Новикова.

В культуре сибиряков сохранилось много произведений устного народного творчества, которые могут быть отнесены к классическим образцам русского фольклора. Причем такие жемчужины мы находим во всех жанрах. Русский же обрядовый фольклор Сибири заслуживает самого пристального внимания исследователей. Он богат, своеобразен и имеет большую художественную ценность, он нужен людям и в наш технократический век.

Календарные обряды вобрали в себя дохристианские и христианские представления, в них силен синтез этих двух разновременных систем верований восточных славян, который иногда называют "язычеством в православии"[21]. В текстах календарных песен тесно переплелись народные верования и обряды разных эпох, что заметно и в сибирских записях.

Следует отметить, что значительное количество песен календарного цикла донесли до наших дней сведения об архаичных явлениях, связанных с культом света, с использованием живого огня в обрядности славян: "Вокруг огня люди стоят, люди стоят, колядуют..." (№ 1)[22]. Позднее древняя поэтическая структура песни, ее смысловое содержание были трансформированы в церковно-православном духе. Персонажи

---

[21] *Носова Г.А.* Язычество в православии. — М., 1975.

[22] Если примеры взяты из данного тома, то мы указываем только номер песни.

христианской мифологии частично заменили образы языческих божеств в календарных песнях. Но русский крестьянин был реалистом, практиком. Богов и святых он сделал своими помощниками в нелегком труде. На них возложил обязанности по выращиванию урожая, по охране хлебов и скота. Иисус Христос, Никола, Богородица, Егорий, Илья в песнях показаны как добровольные помощники крестьянина: они за плугом ходят, коня водят, жито рассевают, суслоны ставят и т.п. Иногда имена святых указывают на очередную сезонную работу, которая начинается с определенного времени: "Микола святой яр засевает, Илья святой жито зажинает", т.е. с Николина дня (9 мая ст. ст.) засевали яровые, а с Ильина дня (20 июля ст. ст.) начинали уборку ржи.

Календарная поэзия сибиряков отличается сложной системой образов. В ней находим: образы, взятые из мира животных (коза, кулики, жаворонки, кони, курица и др.) и из растительного мира (береза, сосна, ракита, куст, рябина, калина, верба и пр.); олицетворение сил природы и самого праздника (русалки, полевики, Кострома, Коляда, Овсень, Масляница, Купала и пр.). Все они играли отведенную им роль в системе аграрно-магических обрядов русского населения Европейской России, Сибири и Дальнего Востока.

Многие ритуалы обрядов славянского земледельческого календаря имеют ярко выраженное символическое значение — это возжигание огней на связанные с солнцеворотом Святки и на Купалу, воздвижение на шесте или на столбе горящего колеса, прыганье через огонь, выпекание "жаворонков", "гуканье" — перекличка во время исполнения веснянок, ношение березки по селу, завивание венков на Семик и Троицу. В песнях календарного цикла эти ритуальные действия и предметы не утрачивают своего символического значения.

В составе русского календарного фольклора Сибири представлены все жанры обрядовых песен: заклинательные, ритуальные, величальные, корильные, лирические и игровые.

Заклинательные песни — это прежде всего песни календарных и свадебных обрядов, выполнявшие строго определенные функции. Исполняя их, люди магически заклинали силы природы, просили богатого урожая, приплода скота, здоровья, счастья, богатства, благополучия человеку, семье, общине, коллективу.

Для заклинательных песен характерно органичное использование предметов, взятых из окружающей действительности (сохи, бороны, лошади, жито, овес, хлебные колосья, пироги, закрома, веретена и пр.), и мифологических образов (Овсень, Богородица, Илья-пророк, Весна и пр.). При этом христианские святые выполняют крестьянские производственные обязанности и в первую очередь заботятся об урожае. Во многом неразгаданы реальные образы, наделенные сверхъестественными силами. Кулики, жаворонки призваны уносить "зиму холодную", приносить "весну-красну", "тепло летичко". Коза, кони часто бывают прямыми подателями благ:

Где коза походит, там и жито родит..
(№ 2)

Куда конь хвостом — туда жито кустом,
Куда коза рогом — туда сено стогом.

(№ 56, 58)

Функционально близки им образы Девы Марии, Ильи-пророка, Миколы, но они, в отличие от коня и козы, уже не являются сами носителями благ, а лишь выступают в роли посредников, просят Бога (Христа) дать их крестьянину:

Зароди, Боже, пшеницу,
Всяку пашницу..

(№ 57)

Наиболее архаичными являются песни, в которых вербально-магическая заклинательная функция представлена в "чистом виде", она еще не обрела художественного единства и эстетической значимости, а только предопределила возникновение средств художественной выразительности:

Уродися, жито, пшеница
И всякая чечевица.
И лен-долгунец..
(№ 63)

Овечке — котиться,
Коровке — телиться!
(№ 64)

Человек всегда не мог удовлетвориться обыденной обстановкой, низким урожаем, обычным приростом поголовья домашних животных. И уже в незапамятные времена в арсенале поэтических средств появляется гипербола, которую в каждом месте развивали по-своему:

На каждом месте —
Пудов по двести,
На каждом колосочке —
Всем по мешочку.
(№ 65)

Сколько в совке дырочек,
Столько свиночек..
Сколько в бороне клецов,
Столько жеребцов.
(№ 54)

Кво, кво, одно яйцо —
Сорок цыплят,
От одной свиньи —
Двенадцать поросят.
(№ 63)

Вероятно, позже обрядовая поэзия обогащается еще одним образным средством — эпитетом. Художественно емкие эпитеты — прямое

воплощение вербально-магической функциональности. Они начали свою жизнь как новое художественное средство по мере развития наблюдательности, по мере совершенствования образной выразительности в обрядовой поэзии:

Уродися у хозяина
Овес бронистый,
Ячмень колосистый,
Пшеничка густа,
Примолотиста.
(№ 80)

Запевка типа "Сею, сею, засеваю — на новое лето" вводит основное содержание песни — заклинание в контекст совершаемого обряда, а завершающие песню просьбы подарков и поздравления "хозяина с хозяйкой" определяют изобразительность благопожеланий (заклинания) и художественную завершенность произведения.

Для календарных величальных песен характерна идеализация действительности, воссоздание художественной действительности "по законам добра и красоты". Величаемый, будь то Овсень, хозяин дома или хозяйка, домочадцы, почти всегда является воплощением народных нравственных и эстетических идеалов. Хозяин дома уподобляется ясному месяцу, его жена — красному солнышку, пчелочке в меду, дети — частым звездочкам (№ 22, 25 и др.), вместо избы предстают три терема, да еще златоверхие (№ 25, 26). Двор может стоять "на семидесяти верстах" (№ 22, 23), "посередь Москвы" (№ 26), он огорожен зеленым или железным тыном (№ 22, 24, 28), на каждой тынинке может быть "по маковице да по жемчужной" (№ 22, 28).

Первыми засельщиками края были в основном выходцы с севера России, а поэтому старинным пластом сибирских колядок являются не архаичные заклинательные песни, а более поздние — величальные, по преимуществу северного типа — "виноградия", названные так по припеву (виноградье красно-зеленое). Заклинательные песни принесены в Сибирь в ходе позднейшего переселения из южных и центральных областей России, где эти песни лучше сохранились.

В ряде мест Сибири, от Енисея до Колымы, популярным было "виноградье", в котором новогоднее величание соединялось с былиной о Соколе-корабле или с ее фрагментами[23]. Тексты этого типа были принесены в Сибирь из восточной части Русского Севера, из мест от Пинеги до Предуралья. Известно, что народы Сибири не всегда мирно шли "под государеву руку". Казачьи отряды и ватаги вольных людей, уйдя из родных мест на просторы Сибири, пробирались по многоводным рекам и по Северному Ледовитому океану на кочах, или ладьях, чувствовали себя словно на Соколе-корабле, носящемся много лет "по синему морю

---

[23]Подборка "виноградий" с сюжетом о Соколе-корабле приведена в кн.: *Русская* эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. — Новосибирск, 1991. — № 38—42.

по Хвалынскому". Кочи были основным средством передвижения казаков-первопроходцев в Сибири, а реки — магистральными путями. Эти обстоятельства, возможно, способствовали популяризации и закреплению в местном репертуаре первопоселенцев "виноградья" с былинным сюжетом о Соколе-корабле.

Гадальные песни представлены в русском фольклоре преимущественно подблюдными. По объему они редко выходят за пределы шести—восьми стихов. Подблюдная песня, как правило, содержит один динамический эпизод, скорее мотив, действие, которое совершает какое-нибудь существо (человек, животное, зооморфное или антропоморфное существо) или действующий вполне самостоятельно предмет (одонье, сапожки-самоходочки и пр.): курочка выгребает перстенек; кузнец идет из кузницы; катится одонье ржи и т.д. (№ 95—159). Подблюдные песни почти всегда строятся на иносказаниях. Чаще всего они представляют развернутую метафору (метафорический образ) или метонимию, гиперболу, которые в народном представлении имели символическое значение.

Ходит старушка посередь двора.
На ней сарафанишка во сто заплат,
Под каждой заплатой по сто рублей.
(№ 108)

Метафоричность сближает подблюдные песни с загадками, но отличие от загадки состоит в том, что гадающие заранее знают символическое значение метафорического образа каждой из песен своего репертуара — разгадка не требуется. Подблюдные песни двухчастны. Наличие припевок-закрепок (термин З.И. Власовой[24]) сближает их с заговорами. По верному замечанию В.И. Чичерова, гадающие стремились "не только открыть будущее, но и подчинить силу, будто бы таящую его знание, а иногда и прямо воздействовать на будущее, сливая заговор с гаданием"[25].

Почти всегда песня имеет рефрен, похожий на заклятие. Он может быть типа:

А чей перстенечек — того и песенка.
Кому вынется — тому и справдится.
(№ 189)

и составляет значительную часть песни. Рефрены типа "слава" и "святой вечер", подобно закрепке, сопровождают каждый стих-высказывание.

К ритуальным мы относим песни, которые организуют, сопровождают или объясняют тот или иной ритуал обряда или обряд в целом. Некоторые песни запечатлели давно забытые народом ритуалы:

---

[24] *Власова З.И.* К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор: Русская народная проза. — Л., 1972. — Вып. 13.

[25] *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря.. — С. 96.

За горою крутою, за рекою быстрою..
Стоят леса дремучие, огни горят горючие..
Вокруг огня люди стоят,
Люди стоят, колядуют.
(№ 1)

В малых детско-подростковых артелях колядовщиков они составляли основу репертуара. Это, как правило, песни-попрошайки[26]. К ритуальным относятся "сборные", "разборные" песни, песни, организующие троицкий ритуал кумления, многие зажиночные и дожиночные песни:

Хвала тебе, Боже,
Что жито дожали
И в копы склали.
(№ 353)

Ритуальные запевы и концовки величальных и заклинательных обрядовых песен типа:

Прикажи, сударь-хозяин, виноградью петь!
(№ 29)

Благослови Боже, хозяин,
Благослови, хозяин, Коляду гаркать.
(№ 30)

Сам хозяин выходил, нам по рюмке выносил,
А хозяюшка идет, штоф наливочки несет,
Малы деточки идут, нам по гривенке несут.
(№ 34)

можно определить как устойчивые ритуальные клише обрядовых песен, ритуально-организующие формулы.

Корильные песни в "чистом виде" редко встречаются среди аграрных обрядовых песен сибиряков[27], что лишает возможности говорить о них как о самобытной жанровой разновидности. Чаще всего корильные формулы входят в состав песен различных жанров, связанных с обрядом колядования, встречаются они и среди масленичных и семицко-троицких:

Если крошечку уронишь,
То и Бога не замолишь.
Не подашь монетки —
Разобьем окошки!
Не подашь пирога —
Уведем скотину со двора![28]

Следовательно, они не являются укором скупым хозяевам, так как поются еще до обряда одаривания и их цель та же, что у ритуальных песен-попрошаек.

---

[26]См.: *Календарно-обрядовая* поэзия сибиряков / Сост., вступ. ст. и примеч. Ф.Ф. Болонева, М.Н. Мельникова. — Новосибирск, 1981. — № 47—57, 157—168.

[27]*Календарно-обрядовая* поэзия сибиряков. — № 82, 83, 171, 177, 183, 188, 194.

[28]Там же. — № 74.

Гораздо более сложным представляется вопрос определения лирических обрядовых песен.

В.Е. Гусев утверждает, что основным признаком лирики является типизация отношения к действительности, выражение типического чувства, настроения, мысли, душевного состояния[29]. Отталкиваясь от данного положения, Ю.Г. Круглов делает вывод, что "обрядовые лирические песни ничем не отличаются от необрядовых"[30].

На наш взгляд, отличие есть, и принципиальное: магическая и ритуально-организующая функции, манера, время и место исполнения дают иное эстетическое наполнение и другую художественную структуру. Поэтическое содержание, любовная и семейная тематика, появляющаяся в обрядовых песнях, не могут быть жанрообразующими признаками: они характерны и для баллад, городских песен, частушек, даже для части былин и скоморошин. Художественный образ создается не только поэтическим текстом и напевом, но и танцем, игрой.

Правомерно говорить не о лирических обрядовых песнях земледельческого календаря, а об усилении эмоционально-лирической струи в ритуально-игровых песнях, особенно в семицко-троицких, купальских и петровских.

Древним происхождением большинства календарно-обрядовых песен обусловлена их относительно слабо разработанная художественная структура, исключая метафоричность. Их описательно-повествовательная часть обычно в какой-то мере отражает реально происходившие действа, ритуалы. Редко находим стремление к познанию психологии образа. Психологический параллелизм встречается иногда только в ритуально-игровых, чаще всего семицко-троицких, песнях с любовно-брачной тематикой или в лирических необрядовых песнях. Песни эти, хотя и были строго приурочены во многих районах к определенным обрядам, ни генетически, ни по содержанию с ними не связаны, т.е. в местной традиции обрели обрядовую функциональность. Тем не менее в силу ускоренной трансформации календарной обрядности в Сибири они определяли музыкально-поэтическое содержание весенне-летних обрядов.

Быстрая трансформация как отдельных жанров аграрных песен, так и обрядности в целом имела свои причины. Оказавшись в иных природно-климатических условиях, переселенцы из европейской части России вынуждены были внести некоторые изменения в свою хозяйственную деятельность, и это повлияло на их аграрную обрядность.

Первоначально освоение Сибири во многом было связано с пушным промыслом, а следовательно, шло через таежные и тундровые районы, малопригодные или непригодные для земледелия, где сохранение ис-

---

[29] *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора. — Л., 1967. — С. 143.

[30] *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. — М., 1982. — С. 129.

ходных обрядовых традиций зачастую не поддерживалось хозяйственной необходимостью. В старожильческих охотничье-промысловых, а также в поздних приисковых и горно-заводских поселениях обрядность утрачивалась. В старообрядческих поселениях по религиозным мотивам и в связи с гонениями со стороны царизма и официальной церкви календарно-обрядовые песни тоже были утрачены, зато аграрная обрядность адаптировалась к местным условиям.

Павел Трефильевич Воронов, знаток народного календаря. Из книги А.А. Макаренко "Сибирский народный календарь".

Важно отметить, что для Сибири характерно и явление, какого мы не наблюдаем в европейской части России, исключая Север. Различные природно-климатические условия сибирских регионов, особенности заселения этническими группами русских из Зауралья, этнокультурные взаимодействия и межэтнические связи русских с аборигенным населением Сибири, наличие большого количества старообрядцев, расселенных компактно, — все это накладывало свой отпечаток и придавало локальное своеобразие народным календарям в каждом отдельном регионе. С учетом этих особенностей (природных, экологических, этнических и религиозных) в Сибири стало возможно воссоздание календарей по отдельным регионам и отдельным этноконфессиональным группам. Об этом свидетельствуют успешные опыты А.А. Макаренко, создавшего сибирский народный календарь Приангарья, Г.С. Виноградова, опубликовавшего материалы для народного календаря Нижнеудинского уезда Иркутской

губернии, Ф.Ф. Болонева, восстановившего народный календарь семейских Забайкалья[31]. В Западной Сибири большую работу по фиксации народных праздников и примет провели Н.Л. Скалозубов, И.Я. Неклепаев и П.А. Городцов[32].

* * *

Стремясь к научной точности и исторической достоверности отражения обрядовой деятельности сибиряков, составители тома старались показать, насколько это возможно, изменчивость содержания и формы обрядового фольклора. На территории Европейской России для этой цели вполне приемлемо диахроническое размещение достаточно четко исторически маркированного материала. В Сибири дело обстоит несколько иначе. Первая трудность состоит в том, что здесь мы лишены возможности строго следовать этому принципу, так как календарные песни первопоселенцев не во всех циклах обрядов были древнейшими (например, "виноградия"). Попытка соединения функционального и генетического принципов не дала желаемых результатов.

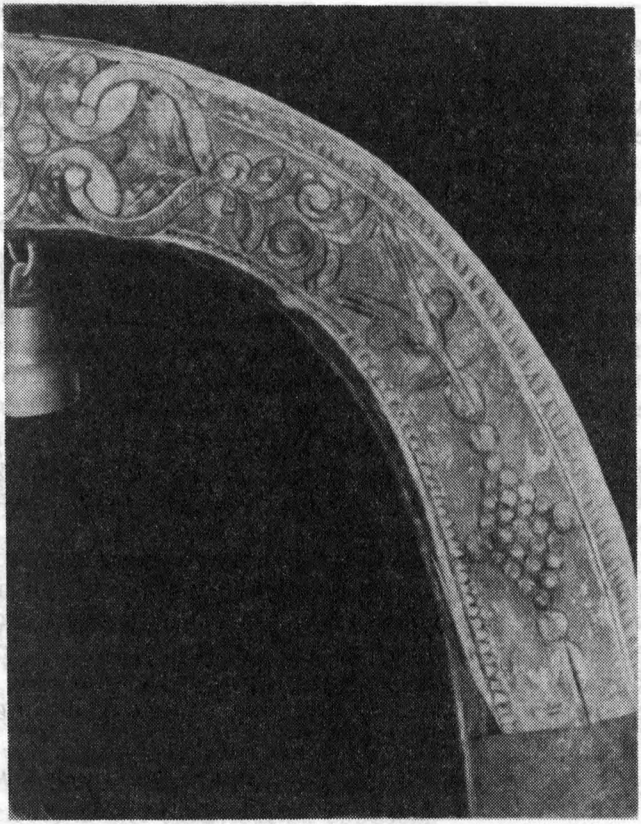
Другая трудность заключалась в отборе материала. Если придерживаться функционального принципа, то в разделе обрядовых песен окажется значительное количество произведений, генетически с обрядом не связанных. При генетическом принципе отбора — дадим ложное представление об обрядности и обрядовом фольклоре сибиряков, обедним их. Чтобы дать достоверный срез обрядности, мы включаем в каждый раздел ряд произведений необрядовых, но строго приуроченных сибиряками к определенным обрядам.

Третья трудность заключалась в выделении собственно русского фольклора. Календарная поэзия русского населения Западной Сибири, Приморья и Приамурья значительно обогатилась за счет песен белорусского и украинского происхождения, что и составило своеобразие русского обрядового фольклора Сибири. В ряде мест взаимодействие белорусских, русских и украинских традиций было настолько интенсивным, что чисто великорусскую, украинскую или белорусскую принадлежность произведений определить не просто. Особенно это касается русифицированных по языку белорусских и украинских песен. Фольклор сибиряков представляет собой творчество восточнославянской общности, и вычленение из этого массива русских обрядовых песен разрушает

---

[31]*Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь...; *Виноградов Г.С.* Материалы для народного календаря; *Болонев Ф.Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья...; *Он же.* Календарные обычаи и обряды семейских; *Он же.* Месяцеслов семейских Забайкалья...

[32]*Скалозубов Н.Л.* Народный календарь // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1896. — Вып. 9; 1901. — Вып. 12; *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края; *Городцов П.А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда.

Сибирские дуги с изображением гроздей винограда (деталь). Фото В.П. Мыльникова.

это единство, стирает черты сибирской обрядовой общности. Поэтому в каждом разделе мы даем единичные произведения белорусского и украинского происхождения, когда они в известной степени русифицированы и прочно вошли в репертуар русских песенников (смоленские традиции и пр.).

В данном томе очевидно преобладание песен, записанных в Западной Сибири, Восточная Сибирь представлена беднее, что вполне объяснимо: Западная Сибирь — основной земледельческий край Сибири, это и поддерживало аграрные обрядовые традиции, зато районы Восточной Сибири, освоенные выходцами с Русского Севера, дали почти все "виноградия".

В ряде районов, особенно в поселениях старообрядцев, рождественские колядки были вытеснены молитвами, рацейками, псалмами. Книжное происхождение, насыщенность старославянизмами, значения которых не понимали колядующие, приводили к многочисленным ис-

каженим, порче и обессмысливанию текстов, и без того не всегда имевших видимые художественные достоинства. Здесь подобные произведения включены только в том случае, если они обогащены новыми образами и мотивами в соответствии с народным художественным мышлением или дают представление о характере напева (приведена нотная запись). В силу филологической направленности издания напевы даны лишь в качестве образцов.

Сибирь — край смешения многих русских говоров. В большинстве районов не представляется возможность выделения каких-либо доминирующих диалектных черт. Вот почему в текстах, не имеющих существенных отличий от разговорного языка, соблюдается принцип литературного написания: все слова воспроизводятся в соответствии с русским правописанием (например, маево — моего, тваиво — твоего и т.д.), если же отличие было существенным, применяется фонетический принцип написания, но без транскрибирования (майво, маво, майго). Во всех случаях, когда диалектизмы выполняют художественные функции, создают своеобразный звуковой колорит, мы сохраняли фонетическую и диалектную точность в публикации.

В томе календарные песни расположены традиционно — в соответствии с периодами годового цикла: колядки, овсеневые, подблюдные, масленичные песни, веснянки, семицко-троицкие, купальские и петровские, жнивные песни. Перед каждым циклом песен дается краткое описание обрядов, с которыми связывалось их исполнение, и рассказывается об их происхождении и функциональном назначении.

Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников

МУЗЫКАЛЬНЫЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ПЕСЕН СИБИРИ

Музыкальная сторона календарных песен Сибири до сих пор не становилась объектом специального изучения. Это и не удивительно — во всех старожильческих и большинстве новосельческих фольклорных традиций календарные песни находятся в периферийной, "пассивной" части местного певческого репертуара, к тому же многими народными исполнителями они и к песням-то не причисляются: песенницы норовят "овсеньку" или "жавронку" проговорить, а не спеть. Понятно, что в такой ситуации без целенаправленного поиска вероятность записи мелодий календарных песен весьма незначительна. Вот почему календарных напевов опубликовано несравненно меньше, чем, с одной стороны, например, более "активных" свадебных или лирических, а с другой — вербальных текстов календарных песен.

Хронологический ряд первопубликаций напевов сибирских календарных песен выглядит следующим образом:

1958 г. — купальская и жнивная Красноярского края (Русское народное музыкальное творчество: Хрестоматия / Сост. Н. Владыкина-Бачинская. — М., 1958. — № 13, 16);

1959 г. — три жнивные песни и покосные частушки (Русские народные песни Красноярского края / Под ред. С.А. Аксюка. — М., 1959. — Вып. 1. — № 127—130);

1962 г. — напевы жатвенной и купальской песен Красноярского края (Попова Т.В. Русское народное музыкальное творчество. — М., 1962. — Т. 1. — С. 47, 98);

1977 г. — две подблюдные, одна из них в двух вариантах (Щуров В.М. Песни Нижней Тунгуски. — М., 1977. — № 15, 16); семицкая (Попова Т.В. Основы русской народной музыки. — М., 1987. — С. 48—52);

1981 г. — колымское "виноградье" (без поэтического текста — Бернштам Т.А., Лапин В.А. Виноградье — песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. — Л., 1981. — С. 44);

1983 г. — марковское "виноградье" (Шенталинская Т.С. Марковские вечорки: Русские народные песни. — Магадан, 1983. — С. 20);

1985 г. — колядка, посеванье, три масленичных (два поэтических текста на один напев), обжиночная и четыре лирические, приуроченные к календарю (Пархоменко Н.К. Русские народные песни Томской области. — М., 1985. — № 1—10);

1987 г. — подблюдная с припевом "илия" (три мелодических варианта) и "Кострома" (Аркин Е.Я. Ты березка моя: Народные песни Омской области. — Омск, 1987. — № 6-9);

1991 г. — напевы обрядовых "виноградий" с эпическими поэтическими текстами (Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. — Новосибирск, 1991. — № 42а, 194, Va и Vв);

1993 г. — четыре купальские (два текста на один напев) и жнивная (Аркин Е.Я. Со венком я хожу: Народные песни Омской области. — 1993. — № 1—5).

Чуть более 20 мелодий, опубликованных в течение последних десятилетий, записаны в разных районах Сибири и связаны с двумя периодами календарного цикла — зимним и летним. В отдельных случаях (Щуров, Шенталинская, Пархоменко) опубликованные образцы, судя по комментариям собирателей, исчерпывают репертуар собственно календарно-обрядовых песен отдельной локальной традиции. Соотношение опубликованного в красноярском и омских сборниках материала с реально зафиксированным репертуаром календарных песен остается неясным. В любом случае судить о музыкальных особенностях календарной песенности сибиряков, опираясь только на столь незначительный по количеству и столь пестрый по своему облику материал, не представляется возможным.

Основу предлагаемой в настоящем издании коллекции напевов составили неопубликованные образцы, заимствованные из нескольких фольклорных собраний региона. Прежде всего речь идет о крупных фондах фонозаписей фольклора, сформированных в результате многолетней экспедиционной деятельности, протекавшей в пределах административно ограниченных территорий Сибирского региона. Это фольклорные коллекции Новосибирского, Омского, Красноярского педагогических институтов (ныне университетов), а также Алтайского краевого центра фольклора и народных ремесел (г. Барнаул). В качестве дополнительного источника были использованы фольклорные образцы, записанные в разных регионах Сибири экспедициями Новосибирской консерватории, Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии, а также, частично, опубликованные варианты. Этот материал не способен исчерпывающе полно охарактеризовать музыку сибирского календарного фольклора, но вполне может дать представление о репертуаре и музыкально-исполнительских особенностях календарной песенности нескольких фольклорных "очагов", отличающихся друг от друга историко-культурными характеристиками.

Таблица территориальной и жанровой принадлежности публикуемых напевов

Жанры	Алтайский край	Красноярский край	Омская обл.	Новосибирская обл.	Разные
Колядки, "виноградья" и др.	13, 21, 21п	60	11, 27, 27п, 42	4—6, 6п, 14, 46, 52, 68, 69	15 (Томская обл. 31 (Чукотка) 31п (Колыма)
Посеванья	72	73	56	I	70 (Томская обл.)
Подблюдные	112, 185, 191, 193	180	89, 94, 141, 143, 163	88, 110, 140, 145, 149, 153	127, 137 (Иркутская обл.)
Масленичные		201	200, 209	210, 213, 215, 225, 227, 229	204, 208 (Томская обл.)
Весенние заклички	243—245, 245п	256	237, 238	II, 239	
Семицкие и троицкие		272, 273, 288, 301	282	276, 278, 305	
Купальские, петровские		326	306, 312, 331	329, 335	
Сенокосные, жнивные		350, 352	347, 347а	340, 343, 344, 351	336, 341 (Томская обл.)

Примечание: арабские цифры — порядковый номер песни в настоящем издании, римскими обозначены нотные примеры в данной статье, арабскими цифрами с добавлением буквы "п" — напевы, публикуемые в примечаниях.

В Алтайском крае календарные песни записаны преимущественно в старожильческих районах — Бийском, Заринском, Солонешенском, Третьяковском. Среди информаторов преобладают сибиряки: "родчие", т.е. местные по рождению нескольких поколений семьи, и дети переселенцев из других старожильческих очагов Сибири — томского и тобольского.

Красноярский край в данном издании представлен единичными записями из сопредельных Богучанского (старожильческого) и Мотыгинского (смешанного) районов; основная часть красноярских календарных напевов зафиксирована в новосельческом Тасеевском районе.

Омские и новосибирские напевы демонстрируют певческие традиции сибирских переселенцев рубежа XIX — XX вв. Интересно, что в некоторых поселениях Омской области календарные песни новоселов ("самоходов") закрепились и в песенном репертуаре местных старожилов[1], в то время как старожилы Новосибирской области, вероятно, полностью утратили песенный компонент календарной обрядности[2].

---

[1] См.: *Фольклор* Западной Сибири / Сост. Т.Г. Леонова. — Омск, 1974. — Вып. 1. — С. 4, 80 (примеч. к № 1).

[2] Подробнее о репертуаре календарных песен локальных очагов Сибири см.: *Леонова Н.В.* Русские календарные обрядовые песни в Сибири и европейско-русские фольклорные традиции // Периферия в культуре: Материалы междунар. конф. — Новосибирск, 1994. — С. 48—57.

Соотношение ритуальных и песенных элементов в календарных обрядах старожилов и новосельцев различно. У старожилов обрядовое действие зачастую существовало без песен[3]. Поэтому даже "сводный" круг календарных песен сибирских старожилов при сравнении его с новосельческим репертуаром предстает в сокращенном, в значительной степени обедненном виде.

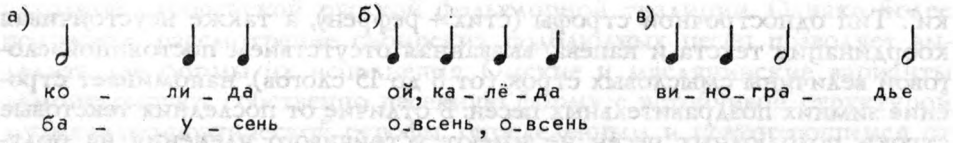
Прежде чем перейти к музыкальной характеристике сибирских календарных песен, необходимо высказать несколько замечаний об особенностях их бытования. Известно, что земледельческие обряды в современных условиях перестали воспроизводиться, а это привело к существенному изменению формы бытования календарных песен почти всех жанров. Бóльшая часть календарных напевов в настоящее время записывается вне обряда и от одиночных исполнителей, демонстрирующих "индивидуально-декламационное прочтение" (И. Земцовский) обрядовых формул. "Пассивное хранение" репертуара календарных песен, а также физические возможности пожилых песенниц не могли не оказать влияния на характер исполнения и музыкальный облик отдельных песенных жанров. Совершенно очевидно, что певческие (слышимые в звукозаписи) и стилистические ("видимые" в нотации) стереотипы календарной песенности утрачивают свою определенность и устойчивость. Отдельные записи от певческих групп, чаще — новосельческих, отчасти восстанавливают исчезающий "звукоидеал" традиционного коллективного интонирования обрядовых песен, сочетающего песенное и возгласно-речевое начала.

Среди зимних поздравительных напевов (имеются в виду песни с рефренами: коляда, овсень, баусень, виноградье) выделяется группа скорых мелодий плясового характера (№ 6, 11, 13, 27, 31, 42, 46, 52). Основная мелодическая структура этих напевов состоит из двух восьмивременных мелодических построений в объеме кварты или квинты, ритмизованных в зависимости от количества слогов в полустишиях (от четырех до восьми слогов). Однострочные композиции образуются путем присоединения к основной мелострoке начального или концевого рефрена. В двухстрочных строфах ритмоинтонационная формула рефрена точно или варьированно повторяется, образуя построение, равное по масштабам основной мелострoке или даже превосходящее ее.

Как правило, рефрен имеет стабильную ритмическую форму, хорошо известную по публикациям русских и белорусских календарных песен:

---

[3] *Городцов П.А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 26; *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. — СПб, 1913; АЦФ, XXIV-1992, № 1-54.

К группе зимних песен с плясовыми напевами примыкают беспричетные песни-приговорки, как правило, начинающиеся стихом "сею-вею, посеваю". С плясовыми напевами их сближают сходные узкообъемные восьмивременные нормативные мелодические ячейки, связанные с мобильными по количеству слогов структурами стиха (полустишиями), а также общий энергичный характер интонирования. Однако следует отметить, что энергия приговорок иного рода, нежели в плясовых песнях. В посеваньях на первый план выходит энергия слова, "речевая динамика" (В. Елатов), что проявляется в совпадении стиховых (фразовых) и мелодических — временных или динамических — акцентов, а также в своеобразном нарушении периодичности их появления, поскольку равновеликие по слоговой и временной структуре построения могут быть по-разному акцентированы. При этом от строки к строке меняется местоположение акцентов, их количество и их сила (нотный пример I).

(КОПС, № 93. Нотация В.Г. Захарченко, публикуется впервые).

В наиболее приближенных к декламации формах песен-приговорок (№ 21п, 72) разрушается такое качество песенной структуры, как стабильность временно́й нормы однотипных построений. Увеличение или уменьшение слогового состава стиха приводит не к переритмизации и переметризации мелодических структур, а к их расширению или сжатию во времени. В таких интонационно-речевых формах основная организующая роль принадлежит фразовому ударению, которое подчеркивается музыкально-временным (№ 21п) или звуковысотным (№ 72) акцентом. Нестабильность музыкально-временных отношений усугубляется неустойчивостью темпа.

Бо́льшую часть публикуемых с мелодиями подблюдных песен составляют образцы с концевым рефреном "илия", так называемые "илей-

ки". Тип однострочной строфы (стих + рефрен), а также неустойчивая координация текста и напева, вызванная отсутствием постоянной слоговой величины смысловых строк (от 8 до 15 слогов), напоминает строение зимних поздравительных песен. В отличие от последних текстовые строки подблюдных песен не имеют устойчивого членения на полустишия. Среди них есть строки с серединным словоразделом, правда, изменяющим свое местоположение:

а) — — — — v — — — —
Возь_ му се_ нца, пой_ ду с двор_ ца... 4 + 4

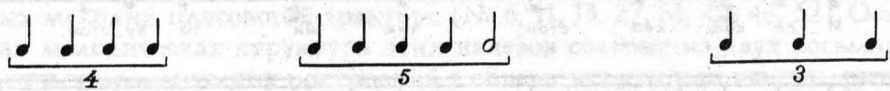
⏑ ⏑ — — — v ⏑ ⏑ — — —
Ко_ му сбу_ дет_ ся, не ми_ ну_ ет_ ся... 4/5 + 4/5

б) ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ v — — —
Что на пер_ вой по_ ло_ сонь_ ке со_ тен_ ка... 5/8 + 3

и есть строки цельные, словоразделы в которых скрадываются вследствие значительного увеличения количества слогов в стиховой строке и последовательного дробления основных долей музыкально-ритмической структуры:

в) ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑ ⏑ — —
Ну ко_ му же э_та пе_ сен_ ка до_ ста_ нет_ся...

Музыкально-ритмическая форма напева, независимо от внутренней структуры конкретной текстовой строки, состоит из трех мелодических построений, соответствующих цезурованному стиху со слоговой формулой 4 + 4 + 3 (рефрен). Обобщенная слогоритмическая форма нормативного напева, исключающая дробление основных долей, выглядит следующим образом:

В омском варианте напева крайние мелодические ячейки представляют собой нисходящее поступенное движение в объеме кварты к основной ладовой опоре. Средняя квинтовая мелодическая ячейка отчленяется от последующего построения прежде всего ритмической остановкой на третьей ступени с дальнейшим соскальзыванием к основной опоре (№ 89 и др.). Маслянинские (новосибирские) варианты напева в интонационном отношении более разнообразны, но и в них сохраняется типовая трехзвенная мелодическая структура, внутреннее членение которой определяется особенностями интонационного рельефа (тождественное мелодическое оформление начальных фаз первых двух звеньев, см. № 140).

Близкие способы организации песенной формы можно заметить в красноярском (№ 180) и алтайских (№ 112 и др.) образцах. Очевидно, что все подблюдные песни с рефреном "илия" восходят к одной общей

исходной европейской русской фольклорной традиции. Однако более подробное рассмотрение сибирских подблюдных песен позволяет выделить две формы их исполнения. Омские и маслянинские варианты демонстрируют собственно песенную форму с устойчивой структурой музыкально-поэтической строфы, определенным и повторяющимся от строки к строке мелодическим рельефом. Сравнительно умеренный темп и мягкая манера интонирования, сглаживающая речевые ударения плавными внутрислоговыми распевами, завершают облик подблюдных песен первой формы (А.А. Макаренко, приводя тексты подблюдных песен, отмечал, что поются они на "мотив протяжный"[4]).

Вторая исполнительская форма обусловлена постепенным разрушением нормативных песенных стереотипов. Вербальный текст выходит на первый план и начинает определять характер целого: словесные ударения уже не сглаживаются, а подчеркиваются разными интонационными и ритмическими средствами, разнообразные расширяющие компоненты стиха (частицы, междометия, огласовки) преодолевают распевность мелодии, приближая ее к строго слоговому виду (№ 112). Ускоренный по сравнению с песенными версиями и неустойчивый темп, элементы скандирования в сочетании с ритмованными, интонационно индифферентными фрагментами (№ 185, 193), неустойчивость временно́го объема целой мелостроки и отдельных составляющих ее звеньев (№ 180, 185) характеризуют интонационно-речевую форму исполнения подблюдных песен, наиболее очевидно представленную в алтайских записях. Показательно, что сами алтайские песенницы весьма невысоко оценивают музыкальные достоинства подблюдных "песенок": "Тут красивого ничего нету" (АЦФ, VI-3, № 5) или "мотивом коротеньку, как умеешь, так и затянешь; просто так скажешь: ни голоса, ни мотив[а] — не надо" (АЦФ, XXIII-2, № 18).

Очень неоднородную картину представляют напевы масленичных песен. Подробно описывать их нет надобности, потому что значительная часть сибирских образцов являет собой разнообразные интонационно-ладовые и ритмические версии песенной структуры с серединным двусложным рефреном припевной строки (ab arb), определяемой И. Земцовским как мелодический тип с припевом (№ 200, 201, 209, 215). По музыкально-исполнительским особенностям среди напевов мелодического типа с припевом можно выделить: а) распевные минорные мелодии с преобладанием нисходящих по ступеням диатонического тетрахорда интонационных циклов и обязательным появлением субквартового тона в начале заключительного построения строфы (№ 200, 209); б) энергичные мажорные мелодии с волнообразным интонационным движением по ступеням большетерцового трихорда (субкварта располагается в середине третьего или начале четвертого построения

---

[4] *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь... — С. 42.

строфы), с плясовой ритмической формулой третьего мелодического звена и стабильно появляющимся между строками строфы возгласом-рефреном (№ 210, 215).

Бесприпевные версии масленичных напевов (№ 225, 227) отличаются иной по сравнению с припевной структурой музыкально-ритмической формой четных построений мелодической композиции: пятисложной ♪ ♪ ♪ ♪ ♩ вместо четырехсложной ♪ ♪ ♩ ♩. Нечетные, начальные в каждой строке, построения и в припевной, и в бесприпевных структурах более мобильны и представлены большим числом разнообразных ритмических формул. Отдельными интонационно-ритмическими структурами, а также характером звучания бесприпевные мелодии близки к энергичным мажорным напевам масленичных песен с припевами. Бесприпевная масленка № 227 с возгласом-рефреном в середине начальной строки и ритмически протянутым надтоническим каданс-ом[5] — образец специфической обрядовой манеры громкого, форсированного пения. Как и в подблюдных песнях, отдельные образцы масленичных напевов отмечены процессом трансформации исходных музыкальных структур за счет варьирования масштабов (временно́й нормы) нечетных мелодических звеньев.

Весенние заклички с зачином "Жаворонушки" выглядят достаточно однообразными с точки зрения музыкальной организации. Исключая плясовой по характеру омский напев (№ 237), все остальные заклички представляют собой многократное повторение монотонных и моноритмических, преимущественно нисходящих мелодических ячеек, опирающихся на пятислоговые (нормативные) поэтические построения. Ударный слог, протягиваемый во времени при исполнении, находится в центре текстовой фразы (нотный пример II). Исполняются же заклички по-разному. Они громко поются (№ 245, 245п, а также закличка с другим зачином — № 239), кричатся "во весь голос" (№ 238) или приговариваются (№ 243, 244). Впрочем, в последнем случае, скорее всего, следует говорить об индивидуальном прочтении поющейся обрядовой мелодической формулы, вполне определенной в начальных построениях и постепенно распадающейся, теряющей свою устойчивость в многосложных интонационно-речевых периодах.

Среди песен весенне-летнего календаря преобладают образцы, записанные от смоленских переселенцев. Традиционные мелодические типы западно-русских семицких и троицких легко угадываются в четких ритмических структурах (например, симметричный пятидольник с затянутой средней долей — № 256, 276, 305 или асимметричная ритмоформула с метрической схемой 2 + 3 + 3 в майских напевах — № 272, 273), характерных ладомелодических конструкциях с основополагаю-

---

[5] *Земцовский И.И.* Мелодика календарных песен. — Л., 1975. — С. 90.

(Исполнители — см. примечание к № 276.)

щим значением квартовых сопряжений, а также в манере яркого мощного коллективного интонирования.

Контрастными по отношению к "громким" песням являются лирический сольный напев строфической структуры с цепным зачином (№ 278) и равномерно ритмизованные мелодии танцевально-плясового характера, текст одной из которых (№ 288) в свое время был зафиксирован А.А. Макаренко и А.А. Савельевым.

Купальские и петровские песни также восходят к западно-русской традиции, и напевы их в условиях сибирского бытования, видимо, не поверглись существенным изменениям. В публикациях смоленских, псковских, брянских, белорусских обрядовых мелодий легко находятся варианты и к жнивным напевам настоящего издания. В отличие от семицких и купальских песен жнивные записаны в Сибири только в сольных исполнительских версиях, как правило, допускающих значительную свободу звуковысотного, ритмического, а то и структурного (№ 347, 347а) варьирования.

Мелодика русских календарных песен, бытующих в Сибири, отличается вполне обычным для данного фольклорного пласта стилевым многообразием. Главный источник его — в исходной синкретической опосредованности мелоса обрядовой песни энергией речи и различных

Хоровод. Семейские Чикоя. Фото начала XX в. (Читинский музей)

форм движения — от шествия и трудовой операции до хоровода, пляски, танца. На начальных этапах развития фольклора музыка выступала в качестве эмоционального усилителя и "формы подачи" слова и движения, обладавших логически конкретным смыслом[6]. В ходе дальнейшего длительного развития исходный "смешанный" интонационный комплекс претерпевал изменения, музыкальный компонент накапливал собственную энергию и уже мог оказывать более существенное воздействие на определение облика отдельных произведений и целых песенных групп.

Попытка систематизации мелодики публикуемых в настоящем издании песен привела к выделению по крайней мере четырех групп напевов. Первую из них составили напевы, определяемые особым видом речевого ритма балагурно-приговорного характера. Подобные "омузыкаленные наговоры" (З.Я. Можейко) в наиболее чистом виде отмечены в зимних песнях: колядках (№ 56, 70, 72, 73) и подблюдных (№ 112, 180, 185, 191, 193).

Вторая, значительно более многочисленная группа напевов связана с экспрессивной речевой интонацией, мелодии этой группы в более или менее непосредственном виде воспроизводят интонации зова, клича, возгласа. Подобные мелодии изредка встречаются в зимних песнях, чаще в припевных построениях (№ 6, 11, 42, 52 и др.), но наибольшее распространение получили в песнях весеннего и летнего циклов (№ 239, 245, 256, 273, 326, 336, 350 и др.).

Третью группу напевов составили мелодии с ярко выраженной "двигательной динамикой" (В.И. Елатов). Подобные напевы легко обнаружить среди календарных песен всех "сезонов" — от коляд до жнива (№ 4, 5, 13, 14, 27, 46, 94, 208, 215, 288, 306, 329, 343 и др.). Эта группа напевов многочисленна и разнохарактерна, так как воспроизводит энергию самых разнообразных форм движения — от умеренного шествия до пляса.

Последняя, четвертая, группа напевов объединяет собственно песенные мелодии, во всяком случае такие, в которых музыкальный элемент присутствует в наиболее явном виде (№ 15, 21, 68, 89, 110, 127, 163, 200, 209, 278, 341 и др.). Песенные мелодии тоже встречаются от коляд до жнива, но, как правило, число песенных образцов в каждом цикле, за исключением подблюдных, невелико.

Основные компоненты "смешанного" мелоса, три его источника — речевой, двигательно-моторный и собственно музыкально-песенный — присутствуют почти в любой календарной мелодии. Соотношение же их различно, и "преобладание" одного из элементов позволяет сгруппировать напевы в родственные по мелодическим характеристикам "семьи". Однако другие составляющие элементы мелодии индивидуализируют проявление основного стилеопределяющего компонента и

---

[6]См. об этом: *Елатов В.И.* Ритмические основы белорусской народной музыки. — Минск, 1966. — С. 20—21.

тем самым способствуют образованию мелодических подгрупп или переходных "зон" между группами. Среди напевов возгласного характера, например, есть мелодии, в которых достаточно явно присутствует двигательное начало (№ 256, 273), речевое (№ 238, 244), собственно песенное (№ 344, 351).

Одна и та же песня может быть записана в разностилевых исполнительских версиях, например, в собственно песенной и приговорной (№ 21 и вариант в примечании). Более того, различные исполнительские манеры могут сосуществовать в одном образце. Самым распространенным является вариант, при котором начальное ярко выраженное возгласное (в весенних закличках) или двигательно-опосредованное (в зимних песнях) интонирование сменяется приговоркой или постепенно перерождается в омузыкаленную речь. Что это: свидетельство параллельного бытования различных исполнительских версий одних и тех же песен (напевов) или результат действия разрушительных для формы процессов? Как это явление соотносится с локальными характеристиками, с оппозицией старожильческих и новопоселенческих традиций, с коллективными и сольными формами пения? К сожалению, достаточной информацией и объемом самого песенного материала, необходимого для ответа на эти вопросы, мы не располагаем.

Многомерность музыкального пространства календарных песен сибиряков в действительности гораздо значительней, чем это демонстрируется настоящим изданием. Для него отобраны главным образом обрядовые песни, но параллельно с ними, сменяя друг друга на протяжении годового круга, звучали другие "сезонно приуроченные" мелодии: рождественские и пасхальные славления, песнопения православной церкви ("ермоса" у А.А. Макаренко), влияние которых заметно в музыкальном содержании некоторых колядных напевов (№ 15, 68), духовные стихи или "постовые" песни, многочисленные "вешние" хороводы, круговые песни необрядового характера, зимние вечерочные и игровые песни, а также большой пласт необрядовой лирики, приуроченной к летним праздникам, покосу и жатве (№ 341).

Сибирские календарные песни в их европейско-русских связях — проблема совершенно неисследованная. В примечаниях приведена бóльшая часть обнаруженных опубликованных вариантов (сюжетных, ритмических, интонационно-мелодических) сибирских песен. Кроме того, для значительного числа напевов удалось дать определение песенного типа на основании типологии З.Я. Можейко, найти аналогичные явления и составить ритмосхемы, используя материал монографии И.И. Земцовского[7]. Хочется надеяться, что эта информация поможет составить представление о соотношении сибирской и европейско-русских традиций календарной песенности.

---

[7] *Земцовский И.И.* Мелодика календарных песен. — С. 171, таблица ритмических формул и др.

* * *

При отборе нотированных образцов для включения в настоящий том составитель музыковедческой части руководствовался прежде всего, конечно, желанием продемонстрировать жанровое, стилевое и локальное разнообразие сибирского музыкального календаря и стремился сделать это, опираясь на достоверный материал. Все впервые публикуемые нотировки сверены со звукозаписями песен, что дало возможность отобрать наиболее квалифицированно выполненные образцы и унифицировать условные знаки, применяемые разными нотировщиками, при этом предпочтение отдавалось хорошо апробированным в отечественной музыкальной фольклористике способам и приемам записи фольклорной музыки, которые не требуют особых пояснений.

Тем не менее хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые моменты:

во-первых, на не общепринятый, но точнее передающий особенности "живой" певческой практики способ подтекстовки мелодий по принципу "открытого слога"[8];

во-вторых, на особенности расстановки тактовых черт, отражающей разнохарактерность мелодического материала: в большинстве случаев сплошные тактовые черты используются в качестве разделительных знаков, отмечающих границы слогоритмической структуры напева, в нотных образцах № 13, 21, 21п, 72, 73, 88, 110, 112, 140, 153, 163, 180, 185, 191, 201, 243—245, 245п, 306, 336, 341, 351 сплошные тактовые черты расставлены в акцентно-динамическом значении, при тактировании образцов № 14, 68, 238, 256, 272, 273, 340 использованы сплошные (разделительные) и пунктирные (акцентные) тактовые черты и, наконец, в образцах № 31, 163, 229, 344 сплошная тактовая черта меняет свое значение в зависимости от ее местоположения в целостной мелодической структуре;

в-третьих, на попытку максимально подробного отражения в записи темповой структуры нотируемых образцов (см., например, № 5, 13, 21, 56, 72, 193, 256 и др.), что помогает разграничить устойчивые и неустойчивые в темповом отношении исполнительские версии.

Повторно публикуемые нотировки в случае необходимости были отредактированы (синтаксическое ранжирование, подтекстовка, тактовая редакция и пр.), наиболее существенные изменения первоначально опубликованного текста оговорены в примечаниях.

В заключение хочется выразить искреннюю признательность коллегам, предоставившим в распоряжение составителя аудиоматериалы и нотировки и оказавшим тем самым значительную помощь в подготовке

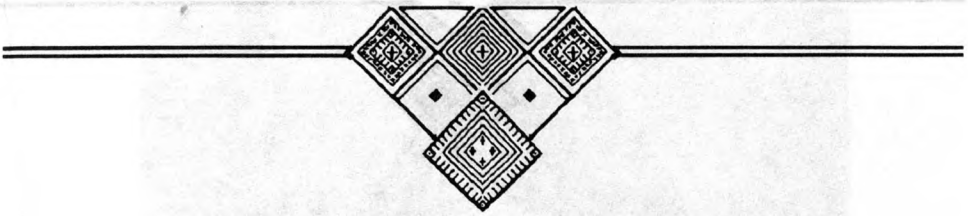
---

[8]См., например: *Музыкально-песенный* фольклор Ленинградской области (в записях 1970—1980 гг.) / Сост. и ред. В. Лапин. — Л., 1987. — Вып. 1.

нотного корпуса и грампластинки: В.В. Асанову (Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии), В.И. Бодровой и Л.И. Клоковой (Алтайский краевой центр фольклора и народных ремесел, ныне отдел реконструкции и реставрации русской традиционной культуры Государственного художественного музея Алтайского края, г. Барнаул), Л.И. Васехе (г. Бердск), О.И. Выхристюк (Русский дом народных традиций, г. Новосибирск), Л.В. Куцан Новосибирский областной центр народного творчества), Т.Г. Леоновой (Омский госпедуниверситет), М.Н. Мельникову (Новосибирский госпедуниверситет), Н.А. Новосёловой (Красноярский госпедуниверситет), Е.В. Тюриковой (Новосибирский госпедуниверситет), Т.С. Шенталинской (г. Москва).

Особую благодарность автор приносит Э.Е. Алексееву за большую помощь при подготовке нотного материала к публикации.

Н.В. Леонова

ТЕКСТЫ